

DERIVATIONAL ANOMALIES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

E. S. Denisova

Проблема выделения уникальных элементов в структуре производного слова традиционно входит в ряд проблем, связанных с членимостью основы и – шире – членимостью слова. Данная статья посвящена исследованию стратегий идентификации единиц с нетиповой и уникальной словообразовательной структурой (словообразовательных аномалий) носителями языка. Результаты психолингвистического эксперимента позволяют подтвердить морфемный статус унификсов, а также описать деривационный потенциал единиц, в структуре которых вычлениаются уникальные или малопродуктивные морфемы.

The problem of unique items identification in the structure of the derivative word is traditionally associated with the problems related to stem dividedness and word dividedness. This article is devoted to the study of native speakers' strategies for identifying the units with atypical and unique derivational structure (derivational anomalies). The results of a psycholinguistic experiment allow us to confirm the morphemic status of the empty morphs, as well as to describe the derivational potential of the units in whose structure unique and unproductive morphemes are encoded.

Ключевые слова: теория языковой аномальности, словообразование, уникальные единицы.

Keywords: theory of linguistic anomaly, word formation, unique units.

В любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением её креативного потенциала. Поэтому изучение разного рода нарушений и отклонений от известных закономерностей функционирования языка (языковых аномалий) позволяет глубже понять как природу самого объекта, так и уровень знания о нем.

Изучение проблемы языковой аномальности в лингвистике невозможно без обращения к ортологическому аспекту. Как отмечает И. А. Шидловская, с одной стороны, «норма – это ряд тождественных, однородных явлений», с другой стороны, «уникальность – это то, что выходит за рамки этого ряда, за пределы нормы, является особым вариантом нормы» [17, с. 5 – 6]. Одним из первых лингвистов, обративших внимание на эту закономерность, был Л. В. Щерба. Именно им в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» был предложен термин «отрицательный языковой материал», под которым он понимал прежде всего неудачные высказывания в речи («так не говорят») [18, с. 24 – 39]. Л. В. Щерба отмечал, что онтологическая сущность данного явления определяется через дихотомию «норма – не-норма»: при отсутствии осознанной нормы отсутствует и отрицательный языковой материал. Многочисленные примеры нарушения языковой нормы характерны прежде всего для сферы устной речевой деятельности, где большинство ошибок социально обосновано, является привычным и не останавливает на себе внимания адресата в повседневной речи. Поэтому логичным выглядит определение языковой аномалии в ортологическом ключе как «диалектически противоречивого единства неконвенционального употребления единицы или модели языка и креативного потенциала такого употребления в речевой практике» [12, с. 8].

Проблема установления сущности, объема и границ языковой аномальности не теряет своей актуальности и в современной лингвистике. Как отмечает в своих работах Л. А. Араева, исследователи постоянно сталкиваются с языковыми феноменами, не вписывающимися в жесткие правила, но оставить их без внимания не получается, поскольку они оказываются слишком распространенными, «составляя в определенной мере скорее системное явление, нежели исключение из правил» [4, с. 39]. Подобное утверждение оказывается релевантным не только по отношению к полимотивации (именно о ней шла речь в статье Л. А. Араевой), но и к большинству аномалий языка, которые представляются таковыми только с точки зрения современного состояния норм и правил системы русского литературного языка (ср. анализ языковых аномалий в различных коммуникативных сферах письменной речи, например, в текстах ЕГЭ [3, с. 31 – 36], рекламе [9]).

На уровне языка аномальность представляется, по мнению многих исследователей, закономерным явлением, обусловленным целым рядом причин, как лингвистического, так и экстралингвистического характера, – системно-языковых, социолингвистических и коммуникативно-прагматических. Аномалии зачастую являются не собственно инновациями, а результатом сложившейся этимологической картины, т. е. «своеобразной инкорпорацией в синхронию рефлексов исторического развития языка или интерференции литературного языка и нелитературных подсистем русской речи, а также заимствований» [12, с. 34].

Уникальные морфемы (унификсы) – это тоже своего рода нарушения и отклонения от известных закономерностей функционирования языка (точнее словообразовательной подсистемы), поэтому можно соотносить понятие деривата с нетиповой и уникальной словообразовательной структурой с термином «словообразовательная аномалия». К **словообразовательным аномалиям** в нашей работе относятся производные лексические единицы, являющиеся результатом

структурного, семантического и прагматического преобразования стандартной словообразовательной единицы или модели. Как правило, структура подобных единиц содержит уникальные или малопродуктивные морфемы.

С одной стороны, слова с уникальными элементами являются производными, мотивированными единицами языка, которые и по форме, и по смыслу связаны со своими производящими, обусловлены ими, зависимы от них. С другой стороны, их производность оформлена нестандартно, точнее, недооформлена. Как отмечал А. Н. Тихонов, слова с уникальными элементами выделяются на фоне всей системы мотивированных слов именно ущербностью выражения своей производности [15, с. 653].

Наиболее распространенной в лингвистике является точка зрения, восходящая к работе Е. А. Земской, согласно которой унификс не имеет морфемного статуса, поскольку не обладает значением и свойством повторяемости [10, с. 3 – 13]. Данная концепция получает свое подтверждение в работах Н. Д. Голева, отмечающего, что унификсы суть формы мотивантов (под мотивантами понимаются «средства, которые различают исходную единицу, или мотиватор, и вторичную единицу, обусловленную мотиватором» [7, с. 106]), занимающих промежуточное положение между фонетическим и словообразовательным уровнем (например, номинация передачи на телевизионном канале МУЗ-ТВ *Кризис-Шмизис* образована посредством фонетической редупликации, что придает слову шуточно-пренебрежительную семантику).

Противоположная точка зрения обоснована в работах Г. О. Винокура, Н. М. Шанского, А. И. Моисеева, А. Н. Тихоновой, Л. В. Рацибурской, В. Г. Головина и др. Интересной представляется точка зрения А. Н. Ростовской [13], опирающейся в своих работах на данные метаязыкового сознания (МЯС) носителей языка. Как отмечает А. Н. Ростова, несмотря на отсутствие серийности и повторяемости смысловых и формальных отношений, определяющих меру автоматизма воспроизведения (или произведения) в речи языковых единиц, производные единицы, обладающие неповторяющимися, нерегулярными типами отношений, воспроизводятся в речи и фиксируются в МЯС. Значения же подобных слов, относящиеся к периферийной семантической теме, могут осознаваться и через мотивирующее слово, и как целостные, не соотносимые со значением мотивирующих компонентов, ср.: *Змея оставляет шкуру – выползун* [13, с. 150].

Гипотеза нашего исследования состоит в экспериментальном подтверждении тезиса о том, что слова с уникальной или нетиповой структурой являются в сознании носителей языка производными и мотивированными единицами (обладают морфемным статусом). Проведение эксперимента призвано доказать вероятностный характер четкого отнесения лексических единиц к определенной степени членимости (по классификации М. В. Панова – Е. А. Земской) и необходимость выделения еще одной – альтернативной – классификации, базирующейся на данных психолингвистического эксперимента.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами был проведен эксперимент по идентификации слов с

уникальной и нетиповой структурой. Опрашиваемую аудиторию составили носители литературного языка в возрасте 18 – 25 лет, студенты 1 – 5-х курсов гуманитарных факультетов КемГУ. Общее количество информантов составило 70 человек.

Информантам был предложен список из десяти слов-стимулов, включающий следующие лексемы: *захрапин, перехрюк, полисвин, свинарня, свинарь, свинтус, свинчатка, тихохрюн, ханёж, хлопкопыт*. При отборе материала нами учитывались следующие ценностные характеристики анализируемых слов:

1) частеречная принадлежность слов-стимулов: все предложенные для анализа слова являются субстантивами, что облегчает процесс их идентификации носителями языка;

2) способ образования деривата: характеристика слов экспериментального списка в аспекте характеристики способов словообразования позволила выявить особенности идентификации каждой отдельной единицы;

3) степень членимости структуры деривата (по классификации Е. А. Земской – М. В. Панова): слова списка включали единицы разной степени членимости (ср. *захрапин, перехрюк* и *свинтус, свинчатка*);

4) ступень деривации слов-стимулов и сложность их морфемной структуры: в нашем списке были полиморфемные слова как первой ступени деривации (*свинья* → *свинарь, свинец* → *свинчатка, ханять* → *ханёж*), так и последующих ступеней деривации (например, *хранеть* → *захранеть* → *захрапин*);

5) тип словообразовательного значения: большинство слов, структура которых содержит уникальные элементы, относится к сфере лексической деривации (модификации, мутации).

Большинство слов списка относятся к классу полумотивированных единиц, т. е. обладают неполной, частичной мотивированностью согласно концепции мотивологического анализа О. И. Блиновой [6, с. 44].

При составлении экспериментального списка мы придерживались следующего направления: часть слов входила в Толковый словарь русского языка и должна была быть знакомой информантам (*свинарня* ‘помещение для свиней’, *свинарь* ‘работник, ухаживающий за свиньями’, *свинтус* ‘тот, кто по-свински поступил’, *свинчатка* ‘кость для игры, налитая свинцом’) [11, с. 703], другая часть слов относилась к группе агнонимов (*захрапин, перехрюк, полисвин, тихохрюн, ханёж, хлопкопыт*). Последние были взяты из настольной карточной игры «Свинтус» (разновидность американского «Дурака»). Лексема *свинтус* послужила своеобразным связующим звеном между двумя частями материала, поскольку была представлена и в Толковом словаре, и в одноименной игре «Свинтус».

Общепотребительные единицы из Толкового словаря мы включили в экспериментальный список в качестве опоры для носителей языка: опираясь на их семантику и/или форму (структуру), респондентам нужно было сформулировать значение незнакомых слов-стимулов.

В число экспериментальных были включены задания, выявляющие метатекстовые стратегии толкования производных слов: метод субъективных дефиниций (*Что может означать данное слово?*); а также

задание, направленное на выявление степени понятности словообразовательной структуры (*Знакомо ли Вам данное слово?*). Различные задания, предложенные в ходе экспериментального исследования, позволили, на наш взгляд, эксплицировать основные уровни идентификации незнакомого для носителей языка слова (ср. схожую методику эксперимента по семантизации производных агнонимов в работах [1; 5; 14]), а также проследить функционирование опорных элементов осознания слова, поскольку уже после третьего-четвертого символа информантами вырабатывается индивидуальная стратегия реагирования.

Разграничение полученных идентификационных стратегий происходило с опорой на формальные прототипы: фоносемантические, морфодеривационные и морфонологические [2, с. 15]. Однако следует учитывать, что выбор той или иной стратегии носит достаточно условный характер, т. к. все они действуют параллельно, в тесной взаимосвязи друг с другом, «высвечивая» значение слова на пересечении нескольких мотивационных опор.

Анализ экспериментальных данных показал, что морфодеривационная идентификационная стратегия является доминирующей при толковании слов-стимулов. Данная стратегия отражает прежде всего принципы словообразовательной мотивированности, выводимости не только формально закреплённых, но и имплицитных компонентов семантики. При обращении носителей языка к морфодеривационной стратегии актуализируется фактор полиморфности, выявляющий доминирующую роль деривационной членности производного знака, что позволяет подтвердить статус уникальных элементов как полноценных языковых знаков. К данной стратегии нами отнесены следующие приемы опознания слова-стимула:

а) через использование отсылочной части производного слова (ср.: *захрапин* – тот, кто *храпит*; тот, кто сильно *храпит*; человек, который *храпит* по ночам; человек, который *храпит*; человек, который постоянно *храпит*; человек, издающий *храп*; *храп*, связанный с болезнью; лекарство для *храпа*; лекарство от *храпа*; что-то связанное с *храпом* и др.);

б) с опорой на словообразовательную модель слова-стимула; при этом осознание смысла лексической единицы может происходить с имплицитной опорой на конкретную модель словообразования, посредством указания на неё через слова-маркеры *по типу*, *похоже* (ср.: *захрапин* – название *по типу* снотворного; *похоже* на лекарство);

в) посредством отсылки к определенной категории, связанной с двойной референцией (термин Е. С. Кубряковой) производного слова: к знаниям языковым (опознание словообразовательных моделей, значимых морфемных компонентов, звукобуквенных комплексов) и феноменологическим (подведение под определенную рубрику опыта, мыслительную категорию). Ср.: *захрапин* – лекарство; *снотворное*, лекарственные препараты; лекарство для сна; *что-то* из аптеки; *что-то*, чтобы уснуть; химическое вещество; таблетки; фамилия; может, служащий и др.

Фоносемантическая и морфонологическая идентификационные стратегии были менее актуализированы в полученном материале, что обусловлено нали-

чием во внутреннем лексиконе индивида определенных идентификационных образцов, отвечающих за хранение информации о представленных для анализа словообразовательных моделях.

Актуализация фоносемантической стратегии происходит в том случае, когда носитель языка «подменяет» слово-стимул на близкую ему по формальным признакам единицу. При обращении к фоносемантической стратегии информант осознает слово-стимул как неизвестное, т. е. обладающее повышенной степенью условности. Наиболее актуальна при анализе незнакомого слова опора на консонантные звуки, поскольку они несут большую семантическую нагруженность, чем гласные. Так, в слове *хлопкопыт* информант осознает слово-стимул как неизвестное ему и, определяя его семантику, опирается прежде всего на звуковую форму слова, ср. полученные дефиниции: *исследователь хлопка*; человек, занимающийся выведением новых сортов хлопка; машина, которая собирает хлопков; человек, работающий с хлопком; собиратель хлопков и др. В данных толкованиях на слово-стимул, как мы видим, можно проследить явление семантической полимотивации: мотивирующее актуализировано одним и тем же словом, входящим в разные суждения (см. подробнее работу [4, с. 42 – 45]).

Морфонологическая стратегия представляет собой корректировку производного слова-стимула – подмену его формы, либо самого слова в целом на более подходящую, с точки зрения носителя языка, форму, либо на более подходящее (знакомое) слово. Так, исходя из восприятия слова информантами, можно уточнить индивидуальное написание слова-стимула *хлопкопыт* как *хлоп_копыт*, *хлоп-копыт*, *хлопкАпыт*. К одной из разновидностей морфонологической стратегии идентификации нового слова нами отнесена стратегия привлечения знаний иностранного языка [8, с. 214], состоящая в сопоставлении компонентов интернационального характера исходного деривата с их значением в предполагаемом информантом языке-источнике, что уточняет объем смыслового поля слов-стимулов, ср.: *полисвин* – город вин (ср. англ. police – город).

Особое место при анализе экспериментального материала занимает реактивная стратегия, актуализирующаяся в том случае, когда последующая лексема является своеобразной «реакцией» на предшествующий / последующий контекст: ее семантика выявляется посредством отнесения к значениям лексических единиц из предъявленного списка слов-стимулов, уже «вошедших» в языковое сознание испытуемых [8, с. 152 – 153]. Подобная стратегия осознания информантов связана с иконичным характером подачи материала: расположение слов-стимулов на отдельных строках, соответствующих модусу прошлого (для исходного, первого слова списка) и будущего (для конечного, последнего слова списка).

Эксплицитная реактивная стратегия проявляется посредством отсылки слова-стимула к другому слову предложенного списка: *свинарь* – «то же самое, что *свинарня* 'место, где держат свиней'». Имплицитная реактивная стратегия реализуется через описание семантики предшествующих лексем списка. Так, по-

сколькx большинство слов списка можно отнести к лексико-тематической группе «Животные (свиньи)», как и соотносимые с ней понятия (помещение, где содержатся свиньи; работники, ухаживающие за свиньями и т. д.), то и незнакомые носителю языка слова объясняются через «понятные», известные: например, на единицу *захрапин* дается следующее значение – «человек, занимающийся разведением скота» (ср. значение слова списка *свинарь* – человек, ухаживающий за свиньями, разводящий свиней).

Реализация стратегии отказа связана с определенными коммуникативными затруднениями носителей языка и реализуется при восприятии незнакомых слов, обладающих наименьшей степенью понятности. Это подтверждает и материал нашего эксперимента. Наименьшее число отказов было зафиксировано у следующих слов: *свинаря* (5), *свинтус* (6), *свинарь* (28), *хапёж* (31), *захрапин* (38); а наибольшее – у слов *хлопкопыт* (66), *полисвин* (63), *свинчатка* (61), *тихохрюн* (54), *перехрюк* (48) (числа в скобках указывают количество информантов). Закономерным является то, что большое число отказов зафиксировано у слова «свинчатка», несмотря на то, что данная единица взята из Толкового словаря и должна быть понятна носителям языка. Но, поскольку данная единица не является общеупотребительной, а также поставлена в один ряд со словами, объединенными смысловым полем игры «Свинтус», то и носители языка относят это слово к данной тематической группе (на это указывают такие реакции, как «полная девушка», «свинья женского рода», «свинья с бомбой», «посуда для свиней» и др.). В целом отказ от ассоциирования трактуется в нашей работе как восприятие немотивированности и непроеизводности слова-стимула.

Таким образом, анализ экспериментального материала показал, что все слова-стимулы, даже в условиях нулевого окружения (отсутствия контекста), расширяют свой семантический потенциал благодаря

опоре носителей языка на их словообразовательную модель, тем самым исходные единицы реализуют имеющиеся в их мотивационном пространстве смыслы.

Для носителей языка вероятность прогнозирования и понимания словообразовательной структуры основ первой и последующих степеней членности является практически равноценной. Большую сложность для идентификации представляют собой дериваты нетиповой словообразовательной структуры, поскольку, в отличие от основ второй – пятой степени членности, их уникальность носит имплицитный характер. Подобные примеры доказывают вероятностный характер четкого отнесения унификсов к ядру или периферии системы языка, по-видимому, нужно говорить о выделении еще одной – промежуточной – степени членности, к которой будут относиться дериваты, обладающие абсолютным формальным членением основы и повторяемостью аффиксальной части (1 степень), при единичности семантики последней (3 степень).

В целом теоретическая и практическая значимость обсуждаемых в лингвистике проблем, связанных с языковыми аномалиями, продиктована прежде всего их соотносительностью с общим контекстом исследований тенденций языкового развития, обсуждением вопросов нормативного описания языка и оценки языковой ситуации. В частности, по мнению Н. М. Шанского, «важность всестороннего анализа нерегулярных аффиксов и моделей для познания словообразовательной системы современного русского языка ...объясняется тем, что без этого невозможно точное и верное описание регулярных моделей» [16, с. 157]. Поэтому словообразовательные аномалии следует рассматривать не только как нарушение системных правил языка, но и как материал, отражающий динамическую природу языковой нормы.

Литература

1. Аносова, К. М. Когнитивное моделирование актов номинативной деривации (на материале фитонимов русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. М. Аносова. – Кемерово, 2009. – 24 с.
2. Антипов, А. Г. Протоформальность производного слова / А. Г. Антипов // Русский язык. Теория. История. Риторика. Методика: материалы X филологических чтений имени проф. Р. Т. Гриб. – Вып. 5. – Красноярск, 2005. – С. 12 – 17.
3. Антипов, А. Г. Русская грамматика в зеркале ЕГЭ / А. Г. Антипов, Е. Е. Рыбникова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 15.
4. Араева, Л. А. Теория полимотивации в отечественной лингвистике / Л. А. Араева // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы Междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово: ИНТ, 2009.
5. Батурина, О. В. Идиоматичность словообразовательной формы (на материале микологической лексики русского языка): дис. ... канд. филол. наук / О. В. Батурина. – Кемерово, 2004. – 253 с.
6. Блинова, О. И. Русская мотивология: учебно-методическое пособие / О. И. Блинова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Томск, 2004. – 66 с.
7. Голев, Н. Д. Фонетические мотиванты (взаимодействие разных уровней языка в сфере мотивации) / Н. Д. Голев // Семантика и системность языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1985. – С. 106 – 114.
8. Денисова, Э. С. Особенности речевого и ментального функционирования окказионального слова (на материале газетного дискурса): монография / Э. С. Денисова. – Томск: Издательство ТГПУ, 2008. – 232 с.
9. Денисова, Э. С. Воздействующий потенциал способов и приемов графодеривационной игры (на материале наружной рекламы г. Кемерово) / Э. С. Денисова, Е. А. Василенко // Вестник КемГУ. – Кемерово, 2012. – № 2. – С. 133 – 138.

10. Земская, Е. А. Унификсы (об одном виде морфем русского языка) / Е. А. Земская // Вопросы филологии. Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М.: Изд-во МГПИ, 1969. – Т. 341.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
12. Радбиль, Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте / Т. Б. Радбиль. – М.: МПГУ, 2006. – 320 с.
13. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири): монография / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – 194 с.
14. Соколова, С. К. Полимотивация деривата в аспекте влияния его структурных свойств на речемыслительную деятельность носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. К. Соколова. – Кемерово, 2011. – 26 с.
15. Тихонов, А. Н. Русская морфемика / А. Н. Тихонов // Морфемно-орфографический словарь. Русская морфемика. – М.: Школа-пресс, 1996. – § 23.
16. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М.: МГУ, 1968.
17. Шидловская, И. А. Уникальные элементы в словообразовании современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Шидловская. – Уфа, 2011. – 22 с.
18. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Информация об авторе:

Денисова Эльвира Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, 89236112910, elvdenisova@yandex.ru.

Denisova Elvira Stepanovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemsU.